

ИРИНА ЕВГЕНЬЕВНА АБРАМОВА

кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков гуманитарных факультетов, Петрозаводский государственный университет

bram@onego.ru

ПРОИЗНОСИТЕЛЬНАЯ НОРМА И ВАРИАТИВНОСТЬ

Статья посвящена изучению современного состояния британской орфоэпической нормы. Проанализированы социолингвистические причины данного явления.

Ключевые слова: произносительная норма, фонетическая вариативность, социальная дифференциация произношения

Вариантность является фундаментальным свойством языковой системы и функционирования всех единиц языка [13; 60]. Основные понятия теории вариантности отражены в терминах «вариативность», «вариантность», «варьирование», «вариант», «инвариант», «константность», «норма» (Л. В. Щерба, Г. П. Торсунов, О. С. Ахманова, В. Г. Гак, В. Н. Ярцева, Э. Сепир). Первые два термина обычно употребляют синонимично (К. С. Горбачевич, В. Н. Немченко, В. М. Солнцев, Н. С. Валгина). Существует широкое и узкое толкование данного термина. В широком смысле вариантность (вариативность) обозначает всякую изменчивость, способ существования и функционирования единиц языка и языковой системы в целом. В узком смысле под вариантностью понимается представление о разных способах выражения какой-либо языковой сущности как о ее модификации, разновидности или как об отклонении от некоторой нормы [13; 60–61]. Согласно Г. М. Вишневской, если вариативность представляет собой динамику, процесс развития и изменения языка, то вариантность является результатом вариативности (динамических изменений в языке), находящим отражение в самой системе языка и проявляющимся в наличии определенных вариантов данного языка. Вариативность всегда выступает индикатором способности к видоизменению, что наиболее ярко проявляется в языковой экспрессии. Если вариантность зафиксирована в языке, то вариативность обладает потенциальной движущей силой, которая вызывает те или иные языковые изменения [3; 29–30].

Л. А. Вербицкая рассматривает вариативность как обязательную черту языка, которая определяется языком, навязывается им. Так, фонетическая вариативность обусловлена определенной позицией фонемы в слове, влиянием качества окружающих звуков, местом по отношению к ударению, индивидуальными особенностями произнесения. Вариантность (в отличие от вариативности) не провоцируется языком, а разрешается им. Это свойство, присущее языку вообще, может быть охарактеризовано как потенциаль-

ное свойство передачи одного и того же различными языковыми средствами [2].

Основы понятия языковой нормы заложены в трудах пражских лингвистов (В. Матезиус, Б. Гавранек и др.), которых принято считать одними из основоположников западной социолингвистики. Б. Гавранек определял норму, с одной стороны, как совокупность употребляемых языковых средств, к которой относится все, что принимает коллектив, говорящий на этом языке, с другой стороны – как «систему языка, взятую в плане ее обязательности в сфере языка – с задачей достичь намеченного в сфере функционирования языка» [4; 339–340]. Представители Пражского лингвистического кружка признавали, что норма литературного языка отличается от нормы народного языка большей функциональной и стилистической дифференциацией, большей осознанностью и обязательностью своих канонов, что связано с требованием большей стабильности языка (являющейся имманентным признаком нормы вообще). При этом они учитывали, что стремление к стабилизации литературного языка может привести к его обеднению. Новаторство пражцев проявилось в их понимании языковой нормы как динамического явления, обладающего, по словам В. Матезиуса, «гибкой стабильностью», изменчивостью [12].

В современном языкоznании стал популярным системно-структурный подход Э. Косериу, рассматривавшего взаимодействие нормы с системой языка и последовательно разграничившего явления системы и нормы. Характеризуя систему языка как «систему возможностей, координат, которые указывают открытые и закрытые пути в речи, понятной данному коллективу», Э. Косериу определял норму как «систему обязательных реализаций... принятых данным обществом и данной культурой» либо как «реализованный язык» [8; 175, 229]. Идеи Э. Косериу, касающиеся разграничения системы и нормы, нашли свое отражение в работах отечественных ученых (В. А. Ицкович, Г. В. Степанов, А. А. Леонтьев, В. Г. Гак, Л. А. Вербицкая).

Норма, являясь понятием функционального плана, включает в себя наиболее устойчивые, традиционные реализации, принятые обществом и в той или иной мере осознаваемые им как правильные и обязательные. В связи с тем что понятие нормы не охватывает всей совокупности реально существующих реализаций структуры того или иного языка, используется более широкое понятие функционального плана – узус, содержащий в себе как традиционные, устойчивые, правильные, так и нетрадиционные, окказиональные и ошибочные реализации [15; 557].

Квалифицировать речь иностранца как содержащую фонетический акцент можно лишь в том случае, когда в данном языке сложилась орфоэпическая норма. Литературным произношением либо орфоэпий обозначают, во-первых, систему норм литературного языка (книжное произношение), определяющих звуковое оформление значимых единиц языка (морфем, слов, предложений), во-вторых, раздел языкоznания, который изучает функционирование этих норм ирабатывает орфоэпические правила – произносительные рекомендации, действительные для определенного этапа жизни языка.

Возможность вариантов орфоэпической нормы очевидна и фиксируется в произносительных словарях с разной степенью полноты в зависимости от теоретических позиций составителей и от pragматической направленности словаря. Однако основной принцип кодификации – адекватность современной норме – как правило, нарушается, причем по объективным причинам в связи с тем, что словари не успевают зафиксировать современную произносительную норму, иногда пропагандируя варианты, уходящие из реального употребления. Показательно, что речь дикторов, артистов часто ориентирована на кодифицированную норму, которая, как правило, отстает от реальной.

В понятии литературной произносительной нормы принято различать два аспекта: орфоэпию и орфофонию. Отношения между аспектами произносительной нормы могут рассматриваться по-разному в связи с различной трактовкой фонемы [6; 6]. Если исходить из понимания фонемы Л. В. Щербой, то орфоэпия – это правила, определяющие нормативный фонемный состав слов. Орфоэпическая норма в форме правил чтения и исключений из них составляет содержание многих пособий по фонетике английского языка и фонетических словарей. Для некоторых слов допускается различный фонемный состав. Например, существуют два варианта произношения слова *suit*: 72 % британцев произносят его как /su:t/, 28 % – как /sju:t/ [21; 790].

Второй аспект литературной нормы, орфофонию, М. В. Гордина определяет как фонетическую характеристику фонем и суперсегментных признаков или как нормативную реализацию ин-

тонации, ударения и фонем в различных положениях в потоке речи. В английском языке, например, для нормативного произношения необходимо соблюдение степеней аспирации, позиционной долготы гласных. Орфофония как фонетическая реализация фонемных различий, интонации и ударения является основой всего фонетического строя языка. Этим определяется теоретическая и общелингвистическая важность изучения орфофонии – нормативной фонетической реализации фонем и суперсегментных единиц [6].

Проведение последовательного различия орфоэпии и орфофонии при исследовании взаимоотношения произносительной нормы и вариантов представляется важным, так как дает возможность четко противопоставлять отдельные функциональные единицы различным звуковым реализациям одной функциональной единицы. Сознательной кодификации подвергается именно орфоэпия, так как фонемный состав слов хорошо осознается носителями языка, в то же время различия в фонетических характеристиках аллофонов фонем зачастую не замечаются. Что касается диалектных и просторечных особенностей произношения, то они, как правило, проявляются не в нарушении фонемного состава слова, а в изменении фонетических характеристик фонем.

Согласно Б. А. Ларину, демократизация, характеризующая состояние многих языков, проявляется в перемещении маргинальных периферийных явлений к центру системы, в результате чего происходит расшатывание литературной нормы, усиливаются диффузные тенденции между формами существования языка. Ученый характеризовал эволюцию любого языка как ряд последовательных «снижений», варваризаций. Однако волны таких варваризаций не совпадают по времени и размаху в разных языках [11; 176].

Лингвист Н. С. Валгина, отмечая двусторонний характер нормы, в которой заключены как объективные свойства эволюционирующего языка, так и общественные вкусовые оценки, подчеркивает, что если в недавнем прошлом наиболее авторитетным источником литературной нормы в русском языке считалась классическая художественная литература, то в настоящее время СМИ стали центром нормообразования. В результате норма ослабевает, демократизируется, становясь проницаемой для бывших нелитературных языковых средств. Кроме того, стали заметны такие тенденции, как сближение норм письменной и устной речи, рост вариативности языковых средств в пределах нормы, дифференцированность нормы применительно к разным речевым ситуациям [1]. Профессор Л. В. Савельева с горечью отмечает: «Мощный напор низкосортной телевизионной и кинопродукции с полуграмотным переводом, а также наступление обезличенно-массовой, денационализированной псевдокультуры планомерно и скрупулезно разрушает нашу языковую экологию,

обесценивая русское слово...» [14; 41–42]. Многие специалисты по русскому языку говорят о расшатывании литературной нормы, о «языковом беспределе» [9], [10]. Сходные тенденции развития наблюдаются и в британском произносительном стандарте. В целом британская произносительная норма, представленная южноанглийским произношением (далее – RP), отвечает большинству требований, предъявляемых к выбору языкового стандарта. Будучи показателем социального статуса человека в британском обществе, данный тип произношения в сознании носителей английского языка ассоциируется с престижными профессиями и высоким образовательным и культурным уровнем коммуникантов. Однако RP владеют 9–10 % привилегированного населения (P. Trudgill). Большинство образованных людей говорят с небольшим региональным акцентом (так называемый «modified RP» или «near-RP»).

Демократизация английского общества в конце XX века привела к расширению границ допустимого в RP, а именно к проникновению некоторых черт региональных и более низких социальных типов произношения. Так, на BBC стали работать дикторы с региональными акцентами, что невозможно было представить в середине XX века, усилилось влияние на произносительный стандарт локального типа произношения Estuary English (EE), распространенного в низовьях реки Темзы западнее и восточнее Лондона. Произносительные особенности EE, напоминающие в какой-то степени Cockney, все более расширяются не только географически, но и социально, что дало некоторые основания говорить об EE как об орфоэпической норме завтрашнего дня (tomorrow's RP). Тем не менее Дж. Уэллз убежден, что Estuary English есть не что иное, как новое название старому явлению, а именно длящемуся уже более пяти столетий распространению черт popular London speech, что вызвано эрозией английской классовой системы и возросшей социальной мобильностью жителей современной Британии [20].

Следует обратить внимание на другое заметное явление общественной жизни Великобритании конца XX – начала XXI века – значительный приток иностранной рабочей силы. Если в 1989 году в страну прибыли 250 тыс. иммигрантов, то в 1998-м – уже 402 тыс. В 2005 году только из стран Европы в Великобританию иммигрировали 64 тыс. человек. По сообщениям прессы, более половины рабочих мест, созданных с 1997 года, заняты иностранными работниками, среди которых значительную часть составляют высококвалифицированные специалисты [18]. Все это привело к тому, что помимо местных диалектов и типов произношения в Великобритании активно функционируют и иностранные акценты огромного числа иммигрантов из разных стран.

В целом для языковой ситуации на Британских островах характерно сохранение противопоставления престижной, не связанной территориально ни с каким районом (только исторически – с юго-востоком Англии), выполняющей важные социальные функции орфоэпической нормы произношения и сложной системы социально-территориальных типов произношения. При этом отличительной особенностью современного состояния орфоэпического стандарта британского варианта английского языка является сильное влияние на него различных социальных и территориальных диалектов, прежде всего Estuary English, а также разнообразных акцентов мигрантов из разных стран, что вызвано демократическими тенденциями, проявившимися в британской общественной жизни конца XX – начала XXI века.

Для большей полноты картины следует проанализировать современное представление о развитии нормы, которое сформировалось среди ученых, работающих внутри новой лингвистической парадигмы, позволяющей исследовать взаимодействие языков мира с английским языком как языком глобального общения. В этой связи имеет смысл рассмотреть модель языкового варьирования (представленную в виде концентрических кругов), разработанную американским лингвистом Б. Качру (1986). Одним из критерии для включения разновидности английского языка в ту или иную зону или круг, по мысли Б. Качру, являются отношение к языковой норме и набор выполняемых коммуникативных функций. Так, во внутренний круг включены Великобритания, США, Канада, Австралия, Новая Зеландия, относящиеся к так называемым «нормообразующим» странам (norm-providing countries), в которых английский язык выступает средством коммуникации во всех функциональных сферах. При этом кодифицированное употребление на различных уровнях языковой системы принимается всем языковым сообществом как норма. Недостатком данной модели является игнорирование особенностей национально-территориальных вариантов в пределах самой внутренней зоны. Во внешний круг входят «норморазвивающие» страны (norm-developing countries), такие как Индия, Южно-Африканская Республика, Пакистан, Малайзия, Филиппины, Нигерия, Гана, Бангладеш, Сингапур. В них английский язык имеет статус официального или второго государственного языка. Страны зоны расширения, или расширяющегося круга (Индонезия, Тайвань, Китай, Израиль, Египет, Саудовская Аравия, страны Европейского союза и ряд бывших республик СССР), признаны «нормозависимыми» (norm-dependent countries of the expanding circle).

Показательно, что в более поздних работах Б. Качру [17] отказался от разделения стран на три категории по отношению к норме и остановился на двух, объединив в одну категорию «нор-

мообразующие» и «норморазвивающие» страны. Это вызвано прежде всего признанием реального положения дел, когда многие страны, включенные во внешний круг, разработали не только свои стандарты английского языка как языка международного общения, но и успешно внедрили в практику преподавания оригинальные педагогические методики, признанные в мире (см.: [19; 43–44], [16]).

Разновидности английского, употребляемые в Китае, Сомали, Японии, представляют собой разные явления с отличительными чертами. Английский язык, используемый в странах Западной Европы (Euro-English), также характеризуется определенными особенностями, что объясняется воздействием на него европейских языков и лингвокультур. Английский язык объективно вынужден приспосабливаться к новому культурно-языковому окружению. В связи с тем что в глобальном мире количество ситуаций общения на английском языке между билингвами численно значительно превосходит случаи общения между носителями языка, специалисты, работающие в области кодификации новых особенностей норм английского языка, вынуж-

дены учитывать такое положение дел. Получило популярность обучение так называемому International English (в литературе встречаются термины с близким значением Global English, Common English, Continental English), то есть варианту английского языка, который применяется в международном общении прежде всего в научно-технической, академической и деловой коммуникации.

Итак, звуковая вариативность, с одной стороны, является признаком развития языка, с другой – она связана с действием социальных факторов стратификационного и ситуативного характера. И хотя современные произносительные тенденции в RP свидетельствуют о значительной либерализации орфоэпической нормы, важно понимать, что норма для говорящего устанавливает границы, в которых он может варьировать, например, реализации фонем. Выход за пределы, очерченные нормой, не только может затруднить коммуникацию, но и нарушить ее. Несомненно, знание основных орфоэпических и орфофонических черт произносительного стандарта английского языка является непременным условием эффективного межнационального общения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке: Учеб. пособие. М.: Логос, 2001. 304 с.
2. Вебрицкая Л. А. Общелингвистические аспекты формирования произносительной нормы // Материалы междунар. конф. «100 лет экспериментальной фонетики в России». СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. С. 40–43.
3. Вишневская Г. М. Межкультурная коммуникация, языковая вариативность и современный билингвизм // Ярославский педагогический вестник. 2002. № 1 (30). С. 29–35.
4. Гавранек Б. Задачи литературного языка и его культура // Пражский лингвистический кружок: Сб. статей / Под ред. Н. А. Кондрашова. М.: Прогресс, 1967. С. 338–377.
5. Горбачевич К. С. Вариантность слова и языковая норма: На материале современного русского языка. 2-е изд. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 240 с.
6. Гордина М. В. Фонетика французского языка. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. 208 с.
7. Кабакчи В. В. Английский язык межкультурного общения – новый аспект в преподавании английского языка // Иностранные языки в школе. 2000. № 6. С. 84–89.
8. Коcериу Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1963. Вып. III. С. 143–343.
9. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Языки славянских культур, 2008. 232 с.
10. Крысин Л. П. Русский литературный язык на рубеже веков // Русская речь. 2000. № 1. С. 28–40.
11. Ларин Б. А. О лингвистическом изучении города // Ларин Б. А. История русского языка и общее языкоzнание: Избр. труды. М.: Просвещение, 1977. С. 175–189.
12. Матеziус В. О необходимости стабильности литературного языка // Пражский лингвистический кружок. М.: Прогресс, 1967. С. 361–386.
13. Русский язык: Энциклопедия / Под ред. Ю. Н. Карапурова. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1997. 723 с.
14. Савельева Л. В. Языковая экология: Русское слово в историко-культурном освещении. Петрозаводск: КГПУ, 1997. 144 с.
15. Сребренников Б. А. Общее языкоzнание. Формы существования, функции, история языка. М.: Наука, 1970. 602 с.
16. Gaddol D. The Future of English? A Guide to Forecasting the Popularity of the English Language in the 21st Century. The British Council London, 1997.
17. Kachru B. B. Norms, models and identities // The Language Teacher Online, 20 (10). Retrieved 25 October, 2001 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://langue.hyper.chubu.ac.jp/jalt/pub/tlt/96/oct/englishe.html>
18. Parkinson J. What does «British jobs» pledge mean? // BBC News 24. 16 November 2007 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://news.bbc.co.uk/1/hi/uk_politics/7097837.stm
19. Stevens P. English as an International Language: Directions in the 1990s // The Other Tongue: English across Cultures / Ed. B. B. Kachru. 2nd ed. Urbana, 1992. P. 27–47.
20. Wells J. What is Estuary English? // English Teaching Professional. 1997 [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.phon.ucl.ac.uk/home/estuary/
21. Wells J. Longman Pronunciation Dictionary. Barcelona, 2000. 870 p.